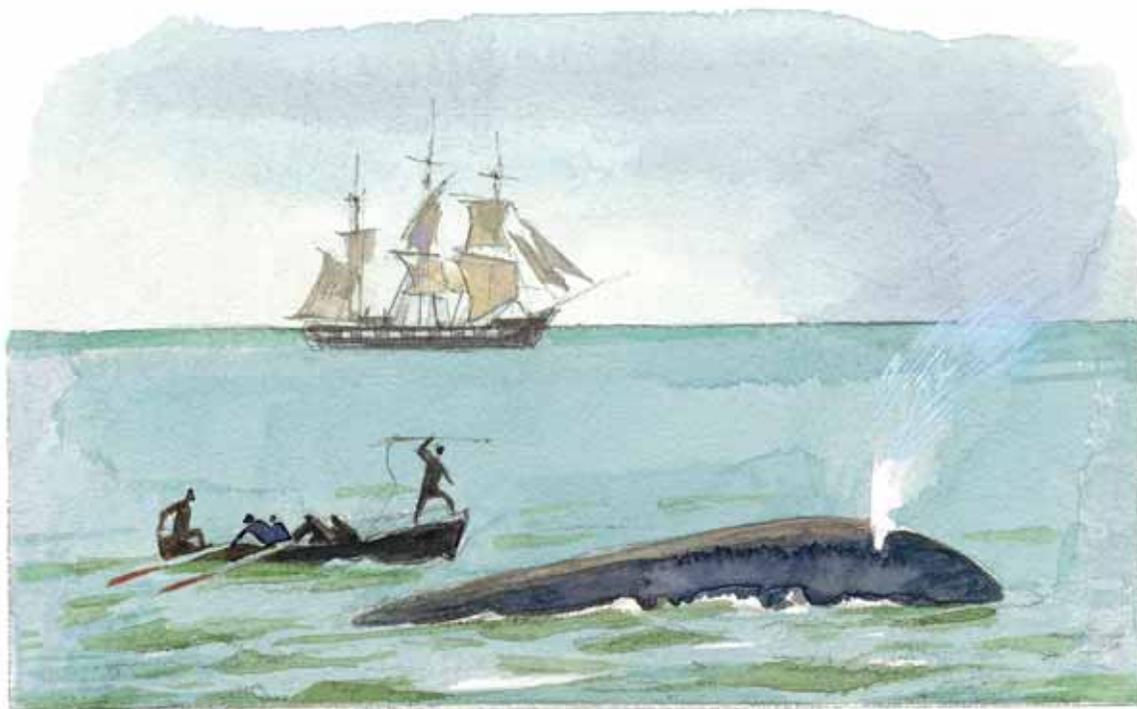

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шхуна-бриг «Пилигрим»

Второго февраля 1873 года шхуна-бриг «Пилигрим» находилась под 43°57' южной широты и 165°19' западной долготы от Гринвича. Это судно водоизмещением в четыреста тонн было снаряжено в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях.

«Пилигрим» принадлежал богатому калифорнийскому судовладельцу Джеймсу Уэлдону; командовал судном в продолжение многих лет капитан Гуль.

Джеймс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим» считался одним из лучших кораблей флотилии. Ход у него был отличный. Превосходная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария.

Капитан Гуль умел лавировать, как говорят моряки, среди плавучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые тёплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Гуля, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находилось пять опытных матросов и один новичок. Этого было недостаточно: охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал выгодным вербовать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблём. В Новой Зеландии среди местных жителей и дезертиров всех национальностей не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах, готовых наняться на один сезон. По окончании кампании они получали расчёт и на берегу дожидались следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна-бриг только что закончила китобойную кампанию на границе Южного Полярного круга, но в её трюмах оставалось ещё много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворвань. Уже в то время китовый промысел был нелёгким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты начали вымирать, и охотникам приходилось промышлять полосатиков*, охота на которых представляет немалую опасность.

То же самое вынужден был делать и капитан Гуль, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты — если понадобится, вплоть до земель Клары и Адели, открытых, как это твёрдо установлено, французом Дюмоном д'Юрвилем, как бы это ни оспаривал американец Уилкс.

«Пилигриму» не повезло в этом году. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии и, следовательно, задолго до конца промыслового сезона, капитану Гулю пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда — сборище довольно тёмных личностей — вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Гуль вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу

* Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) — ценное промышленное сырьё — и китовый ус. Китовый ус — роговые пластины — употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань, пластины китового уса у них развиты слабо.

северного острова Новой Зеландии. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна-бриг не добрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда ещё результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Гуль. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; он проклинал лодырей и тунеядцев, которые сорвали промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды дополнить и нагрузить «Пилигрим». Капитан Гуль собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров. Отказать в этом он не мог.

Миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», её пятилетний сын Джек и её родственник, которого все называли «кузен Бенедикт», находились в это время в Окленде. Они приехали туда с Джемсом Уэлдоном, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам, и предполагали вместе с ним вернуться в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьёзно занемог. Джемса Уэлдона призывали в Америку неотложные дела, и он уехал, оставив жену, заболевшего ребёнка и кузена Бенедикта в Окленде.

Прошло три месяца, три тяжких месяца разлуки, показавшихся бесконечно долгими бедной миссис Уэлдон. Когда маленький Джек оправился от болезни, она стала собираться в дорогу. Как раз в это время «Пилигрим» пришёл в Оклендский порт.

В ту пору прямого сообщения между Оклендом и Калифорнией не существовало. Миссис Уэлдон предстояло сначала поехать в Австралию, чтобы там пересечь на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», связывающих пассажирскими рейсами Мельбурн с Панамским перешейком через Папэте.

Добравшись до Панамы, она должна была ждать американский пароход, курсировавший между перешейком и Калифорнией.

Такой маршрут предвещал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии

«Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Гулю с просьбой доставить её в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нан — старухой негритяжкой, которая вынянчила ещё саму миссис Уэлдон.

Совершить путешествие в три тысячи лье* на парусном судне! Но судно капитана Гуля всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было ещё благоприятно по обе стороны экватора.

Капитан Гуть согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Ему хотелось, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок-пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена возможно бóльшим комфортом на борту китобойного судна.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» имело много преимуществ. Правда, шхуна-бриг должна была сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили, лежащий в стороне от прямого курса. Зато от Вальпараисо до самого Сан-Франциско судну предстояло идти вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, опытная путешественница, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствований, была храбрая женщина и не боялась моря; ей было около тридцати лет, и она отличалась завидным здоровьем. Она знала, что капитан Гуть — отличный моряк, которому Джеймс Уэлдон вполне доверял, а «Пилигрим» — надёжный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился — надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон решила совершить плавание на борту судна небольшого тоннажа. Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать её.

Кузену было лет пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, его нельзя было выпускать одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, и не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу — таков был кузен Бенедикт. С первого взгляда в этом долговязом человеке можно было распознать одного из тех почтенных учёных, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузеном Бенедиктом» звали его не только члены семьи, но и посторонние: такие простодушные добряки, как он, кажутся всеобщими родственниками. Кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки

* Лье — французская мера расстояния, равная на море 5,555 метра.

и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного, особенно в тех случаях, когда ему приходилось разрешать обыденные, житейские вопросы.

Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стеснённым собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, кузен Бенедикт принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Он был как бесплодное, почти лишённое листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника. Но у него было доброе сердце. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их, как сказал бы Прюдом, и его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузена Бенедикта никто бы не назвал бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть — естественная история — поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» — это значит сказать очень многое. Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию. Но кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле слова — кем-то вроде Кювье* Нового Света, способным аналитически разложить или синтетически воссоздать любое животное? Посвятил ли он свою жизнь изучению тех четырёх типов — позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, — на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный учёный разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырёх типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

* Жорж Кювье (1769–1832) — известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных, предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа; эта классификация теперь устарела.

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жёг керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остаётся только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта. Однако и тут требуется сделать уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Кузен Бенедикт, откровенно говоря, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского жёлюдя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно. Но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин* применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела — голова, грудь и брюшко — и которые снабжены тремя парами ног, почему их и называли шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению насекомых.

Из этого не следует, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе не менее десяти отрядов:

- прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.);
- сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, стрекозы);
- перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи);
- чешуекрылые (представители: бабочки);
- полужестkokрылые (представители: цикады, блохи);
- жестkokрылые (представители: майские жуки, бронзовки);
- двукрылые (представители: комары, москиты, мухи);
- веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы);
- паразиты (представители: клещи);

* Слово «энтомология» составлено из греческих слов: «энтомос» — «разделённый», «рассечённый» и «логос» — «наука».

низшие насекомые (представители: чешуйницы).

Но среди одних лишь жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых — шестьдесят тысяч*, поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно и исключительно энтомологии. Этой науке он отдавал всё своё время: не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Немыслимо сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимаемой с научной целью, его шляпа представляла собою витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были пришпилены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своём рабочем кабинете.

Так как миссис Уэлдон с сыном возвращались домой на «Пилигриме», то вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними.

Миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта в случае какой-нибудь опасности. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вёл капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трёх дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемате миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, она 22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нан.

Кузен Бенедикт со всеми предосторожностями уложил свою драгоценную коллекцию в особую жестяную коробку, которую он носил на ремне через плечо. В этой коллекции, между прочим, хранился экземпляр жука стафилина — плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней

* Теперь известно более миллиона видов насекомых, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

части головки, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «кати́по», как его называют маори*, укус которого смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта; наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука стафилина.

Конечно, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса, хранившийся в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и её спутники поднялись на борт шхуны-брига и настала минута сниматься с якоря, капитан Гуль подошёл к своей пассажирке и сказал:

— Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что выбрали «Пилигрим» для плавания через океан.

— Что за странные слова, капитан Гуль?

— Я вынужден напомнить вам это, миссис Уэлдон, потому что не получил никаких указаний от вашего супруга. Это во-первых. А во-вторых, шхуна-бриг в смысле безопасности, конечно, уступает пакетботам**, специально приспособленным для перевозки пассажиров.

— Как вы думаете, мистер Гуль, если бы муж был здесь, решился бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

— О да, несомненно! — ответил капитан. — Сам я не задумываясь взял бы на борт «Пилигрима» свою семью. «Пилигрим» — отличное судно, хоть в этом году оно неудачно закончило промысловый сезон. Я уверен в нём так, как только может быть уверен в своём судне моряк, командующий им много лет. Я задал вам этот вопрос, миссис Уэлдон, только для очистки совести да ещё для того, чтобы лишний раз извиниться за то, что у меня нет возможности окружить вас удобствами, к которым вы привыкли.

— Если всё дело сводится к удобствам, капитан Гуль, это не остановит меня. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажирок, которые досаждают капитанам жалобами на тесноту кают и плохой стол.

Посмотрев на своего маленького сына, которого она держала за руку, миссис Уэлдон закончила:

— Итак, в путь, капитан!

* Маори — коренное население Новой Зеландии.

** Пакетбот — устарелое название почтово-пассажирского судна.

Капитан Гуль тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью.

Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна-бриг вынуждена была лечь на левый галс, чтобы следовать против ветра. Поэтому 2 февраля капитан Гуль ещё находился в широтах более высоких, чем он желал, — в положении моряка, который намеревался бы обогнуть мыс Горн, а не плыть кратчайшим путём к западному берегу Нового Света.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дик Сэнд

Погода стояла хорошая, и, если не считать отклонения от курса и удлинения пути, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корме не было ни юта, ни рубки, и, следовательно, отсутствовали каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон предоставили крошечную каюту капитана Гуля. Это было лучшее помещение на судне. Да ещё пришлось уговаривать деликатную женщину занять его. В этой тесной каморке с нею поселились маленький Джек и старуха Нан. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна. Капитан Гуль перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» — пять искусных и опытных моряков, державшихся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, — жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвёртый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон как к жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были широко заинтересованы в прибылях китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Если они и трудились, не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, то всякая лишняя работа увеличивала их долю в доходах при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда,